

A tall, jagged rock formation, possibly a natural rock formation or a monument, stands prominently in a grassy field. The rock is light-colored and has a very sharp, pointed top. The background shows a clear blue sky and rolling green hills. The foreground is filled with tall, dry grass and some green plants.

Латяна Левченко

*Скала
аномальная
зона
фант-реал*

Татьяна Левченко

Скала аномальная зона. Фант-реал

«Издательские решения»

Левченко Т.

Скала аномальная зона. Фант-реал / Т. Левченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837472-2

Объяснять суть названия произведения — дело нелепое и неблагодарное. Ведь понимающий читатель и оскорбиться может на такое недоверие. Иное дело подзаголовок. Что это? Фантастика? Реализм? Автор объединила их воедино. И то, опять же, каждый читатель увидит в произведении суть согласно своему мировоззренческому направлению. Кто-то увидит фантастику. Кто-то пожмёт плечами: мол, чистый реализм. Ну и третьи определяют наличие непостижимого слияния двух жанров.

ISBN 978-5-44-837472-2

© Левченко Т.
© Издательские решения

Содержание

Слово о книге и её авторе	6
Предыстория	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Скала аномальная зона
Фант-реал
Татьяна Левченко

© Татьяна Левченко, 2017

ISBN 978-5-4483-7472-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово о книге и её авторе

Автор этой книги — Татьяна Левченко — известный в Керчи поэт, секретарь литературного объединения «Лира Боспора». Однако так сложилось, что её проза мало известна читателю.

Объяснять суть названия произведения — дело нелепое и неблагодарное. Ведь понимающий читатель и оскорбиться может на такое недоверие. Далёкий же от понимания всё одно почтёт всё буквально.

Иное дело, подзаголовок. Что это? Фантастика? Реализм? Автор объединила их воедино. И то: опять же, каждый читатель увидит в произведении суть согласно своему мировоззренческому направлению. Кто-то увидит сплошную фантастику. Кто-то пожмёт плечами: мол, а где же она — чистый реализм. Ну и третьи, определяют наличие непостижимого слияния двух жанров.

Главное – дай Бог каждому читателю покорить свою Скалу, отстояв в этом восхождении свои твёрдые убеждения от посягательств инертных и фанатичных масс, в понимании которых Скала аномальная зона существовать не имеет права вплоть до обращения её в болотистую трясицу, над коей колышутся маревом миазмы чуждых мировоззрений, чьи представители за милую душу смакуют биоэнергетические поля наивных незнаек.

«Скала аномальная зона» — первое отдельно изданное прозаическое произведение Татьяны Левченко. Но, конечно же, не последнее. Преданные читатели автора ждут от неё новых книг.

А. Н. Вдовенко, Руководитель Совета «Керченского городского литературного объединения «Лира Боспора», член Союза Российских писателей.

Предыстория

Посвящение...

Здесь невозможно ставить посвящение!

Соавторство? Нет, не годится.

Редактор... Да – строгий, многотерпеливый. Но это – мало!

Вдохновитель, дарящий силы, уверенность в себе. Критик, отрезвляющий в миг «икарьего залёта». Эрудит, дающий вовремя подсказку по самым неожиданным вопросам. Собеседник, в многочасовых беседах с которым и были рождены, утверждены те мысли, что выделенным шрифтом проходят через всё произведение.

Супруг, товарищ и второе Я. Без него просто не состоялась бы эта книга. Ибо начинается она с такого простенького разговора:

– У меня одна тема крутится вот уже с полгода. Записать или прогнать?

– Садись и пиши!

– Но это... пошленькая притча! Ни йоты фантастики. А фэнтези и не пахнет.

– Пиши! Чтoб у тебя, да не было фантастики!

Вот так он, Алексей Вдовенко, член Союза Российских писателей, Руководитель Совета «Керченского городского литературного объединения «Лира Боспора», редактор шести выпусков (IV – IX) альманаха «Лира Боспора» и мой личный, причастен к выходу в свет этого произведения, имя которому тоже, кстати, он дал.

А я... всего лишь...

Автор.

* * *

Искать Истину, проходя путями земными, невероятно сложно. Тут тебе и границы, тут тебе и таможни с визами, а то и локальные военные конфликты на пути следования. Безденежье опять же. Законы, за каждым кордоном свои.

А вопросы накапливаются, и задать их некому. И нет никаких перспектив подобно библейскому богатею продать дом свой и рабов своих, и овцы свои, и, раздав всё до копейки нищим и голодным, направить стопы свои... Благо, ему было за кем и во имя чего направлять их.

Мне подобное не светит в изначальном замысле: дом принадлежит матери. А в очереди наследников я, после двух сестёр и брата – четвёртый и не последний. Ибо и за мною ещё столько же сестёр и опять же, самый младший, седьмой, как в сказке...

Рабовладельчество уже и в школе только мельком проходят. Что касается «овцы»... то коза с неслыханно нетрадиционным именем Олимпиада – кормилица наша и козлятного выводка при ней – в понимании каждого и меня в том числе являлась равноправным членом нашей семьи. Так что, ни о какой продаже речи быть не могло.

Уйти так, налегке? Всё – лишний рот убудет... Ага... А – рабочие руки тоже! И, естественно, финансовое обеспечение, этими руками добываемое. Тут уж попросту совесть не позволит.

И я жутко завидовал пилигримам прошлого. Коих не то что не удерживали дома – с благословением направляли. И все границы им были нипочём. И кормёжка с ночлегом бесплатные в каждом селении. Э... да что...

* * *

Богу рабы не нужны. Никого Он рабом не назвал. Несущие Служение служат не Богу, а Его Делу. «Я раб Божий» – самоунижение, допустимое, когда человек в порыве молитвы хочет подчеркнуть свою малость рядом с Величием Божиим.

Но и молитва эта, и самоуничижение это ни в коей мере не должны быть привселюдны. Ведь порыв сей – сугубо личный, интимный в сокровенности своей. Внешнее же, привселюдное проявление чувств, демонстрация духовности ни в коей мере не сообщают человеку ни истинного единения с Господом, ни духовного спасения. Может ли форма сообщить свойства содержанию? Отнюдь. Потому духовное очищение идёт из сердца, из истинного и искреннего устремления к Господу своему. Не это ли Учение принёс людям Христос? И что же? Минули, не заметили, ищут чего-то более чистого, более божественного...

Найти Святее Бога...

Не проще ли – перестать самому быть «рабом Божиим», но как сыну, как дочери, обратиться к Отцу своему с покаянием и за ответом...

(из дневника отца)

* * *

Сунулся я со своими вопросами к матери. Отец, по её выражению, наплотив ораву, сбёг. Туда, правда, куда простительно, особенно, коли не самовольно. По этой причине, ответить он уже ничего не мог. И старшей в роду осталась мать. Но как ни была она мудра, доходчиво объяснить простейшее: «Скажите, что есть красота, И почему её обожествляют люди?» – то ли не умела, то ли не хотела.

– Какая там красота?! – возмущённо пожала плечами. – Что в моде, то и красиво. Вчера толстые, сегодня тощие. То брюнетки, а то блондинки повалили. Вот то и оно: глупота одна...

Остальные вопросы я задавать не рискнул. Тем более что в разговор возмущённо вмешалась Олимпиада, требуя внимания к своей персоне. И мать отправилась с нею в сарай, по пути, однако, смерив меня каким-то странным, прежде мною не виденным, взглядом.

Сестёр тревожить данными сложностями не имело смысла. Ведь именно на их метаморфозы, – что старших, что младших, – и кивала мать, давая свой ответ.

У младшего, баловня, составные части извечного вопроса «Быть или не быть» обязательно сочетались со словами «битым», «наказанным» и подобными.

Старший же, сейчас ожидающий пополнения в своём семействе, на мои сетования ответил с благожелательной улыбкой:

– Ни-чё! Вот женишься – все эти вопросы сами собой решатся: другие пойдут.

И вернулся к размышлениям и прикидкам, где и как в их комнатке втиснуть детскую кроватку: что вынести взамен – трельяж или комод.

Да-а... совсем другие вопросы...

Православный священник и католический пастор в один голос возвестили о приумножении скорбей и призвали лучше обратить свои помыслы к Богу.

Помыслы и так были обращены. Может, и не в той мере интенсивности, как хотели бы святые отцы, но достаточно, чтобы самого себя не корить.

А вопросы, тем не менее, оставались без ответов.

Другие же – Учителя, Гуру и прочие Мастера до нашего городка не добрались.

* * *

Когда размышляешь о каком-либо событии, явлении с претензией на Истину, сумей не принять за Истину все свои размышления. Нужно выделять ключевой момент, зерно истины, отбрасывая без сожаления всю шелуху окружающих его слов размышления. Жалко, конечно. Умозаключения, порой, так изящны, так убедительны...

Но тебе-то нужна Истина, а не сопутствующие умозаключения. Не жалеи. Хлеб с отрубями, конечно, полезен. Но ещё более полезно очищенное, проклюнувшееся ростком, зерно.

И стоит ли во всём и всюду искать ответов, пусть и признанных, именитых мудрецов и философов, дабы сверяться: а не отступил ли ты... – Истинное рождается твоей творческой мыслью, но не калькированием уже готовых ответов, под кои ты подгонять будешь мышление своё.

Твори. Дерзай!

(из дневника отца)

* * *

Книги... их прочитано великое множество. Но кто скажет – те ли книги я читал? Кто посоветует именно нужные? Даже в школе учебники мы «проходили» под водительством учителей, они же и сопутствующую литературу рекомендовали.

Сейчас же самый мудрый из моих школьных учителей ответил мне так:

– Увы, это уже не школьная программа. Теперь выбор зависит только и только от тебя. В школе мы старались привить вам умение делать в дальнейшем выбор самостоятельно и не чуждый вашим устремлениям. Обидно, если кто-то эти уроки пропустил мимо сознания. Ищи, парень, ищи! – напутствовал он меня. – Ищи свои пути, слушай сердце своё, душу свою – в чём, к чему твои истинные устремления.

* * *

В день поминовения отца я, будучи в отпуске, по просьбе матери пошёл в центр города в православный храм заказать панихиду. Храм этот был открыт совсем недавно в возвращённом церкви здании на одной из центральных улиц города.

Я шёл по улице и неприятно удивлялся. За работой, домашними делами редко бываю в центре, потому перемены, здесь происходящие резко бьют по глазам и по сердцу. Ещё пару лет назад тенистая и тихая, улица вдруг преобразилась до полной неузнаваемости. Сняты все старые ветвистые деревья, вместо них насадили какие-то вечнозелёные растеньица, которые приживутся ли. Без затенения деревьями улица стала как-то непомерно широка, открылась старая архитектура зданий, и их тоже, в срочном порядке, преобразовали. Оказалось, что здания, хоть и старые, но довольно красивые. Тем не менее, зелени, тени им явно не хватает. Отреставрировано и здание храма. Вот только расположено оно неудачно: нет обязательной паперти, и нищие, больные люди сидят, кто на ступенях входа, кто под стеной храма на узком тротуаре. И те и другие мешают пешеходам и прихожанам, сильно сужая проход.

Отстояв службу в храме, я вышел на крыльцо, спустился на тротуар по пяти довольно крутым ступеням и только тогда обернулся к двери, чтобы перекреститься, уходя. На пороге и на ступенях это делать попросту рискованно. Слева, на нижней ступени, обхватив одной

рукой балясину перил, другую, с зажатым в тонких, но грязно-загорелых пальцах пластиковым стаканчиком, протягивая за подающим, сидел нищий, явно юродивый. Я положил в его стаканчик крупную монету и, памятуя, что такие вот «дурачки» порой выдают умнейшие вещи, произнёс, как бы размышляя про себя:

– И где они, пути истинные?..

Юродивый отвлёкся от своего занятия. Некоторое время он вполне разумно смотрел на меня. А после, кривляясь и пуская слюни, скрипуче захихикал:

– А что вдоль, что поперек, хоть и вовсе напрямки. Ходи-ходи, ищи-ищи, а к своему вернёшься!

– Чего зубы скалишь! – отмахнулся я от нелепого бормотания юродивого.

– Вот-вот! – продолжал хихикать безумец, – скали... скалы... в скалы... на скалы... – и вдруг упал наземь, забился в судорогах, пуская пену.

Сидевшие тут же на ступеньках бабки подскочили, крестясь и причитая, какая-то накинула на припадочного чёрную шаль, сдёрнув с распатланной головы своей, другая подсовывала под голову ему выдавшую виды сумку, в которую собирала подающее, чтоб не разбил голову о плиты тротуара.

– Иди, ступай! – отталкивала меня третья. – Зачем про скалу сказал? Он же после скалы такой...

– Я не... – бормотал я, растерянно отступая. А в голове не утихали, странным напутствием звучащие, слова безумца: «... скалы... в скалы... на скалы...»

«Он после скалы такой...»

Значит, этот человек побывал там, откуда никто не возвращается?! Значит, там действительно что-то есть такое...

* * *

За этим чудом и загадкой идти за тридевять земель не надо. Ни визы, ни деньги не требовались. Но не шёл туда ни один горожанин, точнее, ни один здравомыслящий горожанин. Более того: всех приезжих и приблудившихся остерегали: туда нельзя. Там – скала...

Что за скала? Какая скала? Чем она страшна, эта скала? Да и где она, эта скала, в конце концов?! Но – нельзя! Оттуда не возвращаются.

Совсем недалеко от города, на северной его окраине простирался обширный пустынный район, состоящий из множества мелких, от двух до двух десятков метров высотой пологих холмов, поросших дикими, никогда не кошеными травами. Скотину там тоже не пасли. А если забредала какая животино вроде нашей вездесущей Олимпиады, никто не шёл забирать, ждали, пока сама вернётся.

Скала... Почему пустырю дали столь неподходящее имя, одним небесам ведомо. Но так оно было испокон веков.

* * *

Оттого, что мы не знаем каких-то законов, понятий, – они существовать не перестанут. Оттого, что, узнав, мы трактуем их по своему усмотрению, их истинное значение не изменится. Это людские законы моральности «что дышло» верти, надоели – отменили, другую мораль доказываем. Но, несмотря на Лобачевского, Евклида никто отменить не может.

(из дневника отца)

* * *

Дома я, как бы ничего не ведая, равнодушно спросил у матери, знает ли она юродивого у храма, и почему он болен?

– Да, вот же ж... – буркнула мать, готовя подойник и выглядывая за воротами запропастившуюся Олимпиаду с её козлятушками-ребятушками. – Учёный, вроде, человек был, а людей не слушал. Пошёл ту скалу смотреть... А, чтоб тебя! – вскричала она, прерывая ворчание, – опять эта дурёха туда ушла, да ещё и детвору за собой потащила! Ладно, их накормит, а нам что – без молока сидеть, ждать, пока вернуться изволит?!

Я выглянул за ворота. Дом наш был на одной из улиц северной окраины, что словно лучи разбегались от пресловутого пустыря Скалы. Потому все холмы и холмики виделись, как на ладони. И наша Олимпиада белоснежным изваянием на вершине самого высокого холма, в живописном окружении козлиного выводка.

– Мам! – пожал я плечами. – Ну, глупости ведь! Давай, пойду, приведу. Ведь на глазах же...

– Нет! – вдруг истерично преградила мне дорогу родительница. – Не пущу! Нет! – она отпихивала меня от ворот в глубину двора. – «На глазах...» Отец ваш тоже вот так... на глазах... – и сникла, осела на подвернувшийся чурбан, комкая край передника, не утирая ручьём катившихся слёз с лица, с дикой, безумной тоской, молча, без причитаний, без воя, смотрела и смотрела в сторону Скалы. Лишь много погодя выдохнула всхлипом: – на глазах...

– Как, мам?! – изумился я.

– А хоронили кого ж?! – воскликнул оказавшийся рядом старшой.

А через короткое время уже вся семья, включая троих внучат-племянников, окружила её, малышня теребила за юбку, старшие за рукава – «Как так?!»

* * *

В тот день, двенадцать лет назад, в самый обычный день, будний, старшие были в школе, я с малыши сёстрами в детсаду, а седьмой наш ещё в люльке качался. Была тогда у нас корова, а не коза. Вот так же ушла она и паслась на ближних холмах Скалы. Время дойки прошло, не возвращается бурёнка. А рядом же, как на ладони! И пошёл отец вернуть заброду.

«Ты смотри, – сказал матери, – я ж всё время на глазах буду!»

«Ох, не ходил бы ты!» – заголосила мать, и на крик её набежали соседки чуть не с улицы.

«Не вой! – успокаивал отец. – Вон, сколько народу собралось. Что станется при таком количестве свидетелей? До се, кто пропадал – без свидетелей». И пошёл.

– Вот так до бурёнки не дошёл, – показала мать расстояние с полметра руками, – и, вот так, на глазах у всех – раз! – и пощез!

– Как – «пощез»? – ахнули сёстры, а самый младший племян от неожиданности разревелся.

– Вот так и пощез! Был и не стало. Даже корова шарахнулась со страху и галопом домой примчалась.

Вызвали тут и властей, и милицию... Все ж видели... Всем и молчать велели. Вам сказали, мол, заболел батька, в больницу заразную увезли.

А был тут недавно приехавши учёный по аномалиям, Андрей Семенович. Ну, он, пока там акты и свидетельства составлялись, решил таки проверить. Отговаривали его, не послушал. Пошёл. Только дошёл до того места, так его не стало. А через миг, будто великанище какой его

оттуда так и вышвырнул! Так и вылетел он оттуда, аж за крайними холмиками упал, у Фроськи угловой по-под забором. И лежит без чувств.

Увезли его в больницу, а он как на лет пятнадцать постарел и сморщился, и поседел, и борода косматая...

Вроде, поначалу ещё в себе был. Нянечки с больницы сказывали, что сам себе говорил, говорил, пальцами тыкал, ну, будто на магнитофон записывал – кнопки жал.

Вроде, там людей много. И скала там, высоченная и гладкая, как стекло. И он оказался у этой скалы, а из неё вдруг как рука вырвалась, да так пихнула его... он и вылетел наружу...

...Мать вздохнула. Утёрла кончиком передника подсохшие слезинки в углах рта, попутно – соплю у вжавшейся в её колени малявки. Спокойно уже, закончила:

– Не вылечили. Так теперь под церковью и сидит. А в Храм не входит: всё ему скала с рукой отталкивающей чудится. Молится, авось скроется рука, впустит его Господь в Храм свой.

А про отца акт составили, да пустой гроб зарыли, чтобы разговоров не было. Да так, будто все и поверили, что в гробу он-то был, все будто и забыли, как на деле было...

Мы ещё все подивились, повздыхали. Но сколько лет уж прошло... Разошлись, каждый своим делом занялся. А мать прилегла в своей комнатке.

Я, укрывая её, всё вглядывался в портрет на стене. Отец... Юродивый сказал: «там много людей» – может, так и живёшь там, за странной завесой тайны, куда, оказывается, не всем и дорога открыта. Но всяк боится, что ему-то она откроется. Потому и не идут люди даже за собственными коровами-козами. Уж те гуляют, никаких тайн не видя и не ведая... Кстати, Олимпиада так и спать уместилась на вершине холма. Козлята кругом её расположились, – что твой каравай юбилейный на зелёном холсте.

* * *

Простой пример вешки. Кажется, он типичный абсолютно для всех обывательских семей. Замечание «Не забивай голову ерундой!» Однажды, на десятом или тысячном таком замечании, ты обращаешь внимание – к чему же конкретно это замечание относится. Приходишь к выводу, что «ерунда» для других, – очень важное для тебя. Перестанешь реагировать, доказывать «мне это надо, мне это интересно», а просто начинаешь усиленно «забивать голову ерундой», всё более, всё лучше познавая этот предмет.

Вот здесь ясно прослеживается логическая цепочка очищение – равновесие – расширение сознания...

...Ни одна религия на Земле не изживает себя. Начиная от язычества, многобожия, заканчивая, пока, современными направлениями христианства, ислама, буддизма со всеми их ответвлениями. Все они сосуществуют. Все являются необходимыми: каждая для определённого уровня сознания. (Если б они ещё и не враждовали между собой!)...

(из дневника отца)

* * *

...Я стоял на краю пустыря, смеривая взглядом расстояние до вредной козы. Солнце уже село, но было довольно светло: лето едва перевалило на вторую половину. На некошеных холмах отавы быть не могло. Но там, поверх выгоревшей первой травы, уже всю зеленела новая, сочная, взявшаяся в рост под густой подстилкой старых трав, годами, десятилетиями не убираемых. И даже не горят они, как в других местах, – от спички, от искры, от окурка... Впрочем, кто их там бросит...

Ни разу в жизни не видел я холмы Скалы обгорелыми. Изумрудно-зелёные, сиреневые от клевера и чабреца, красные от маков, жёлтые от ирисов, серовато-жухлые и вновь зелёные, уже густой, зрелой зеленью с серо-жёлтой подстилкой. И ни единая тропка не вилась по холмам. Ни малейшая стёжечка...

Или мне показалось?

При упоминании о тропе, я уловил глазом лёгкую примятость старых и новых трав, узкой полосой, начинаясь от ног моих, убегающую по ближним холмам и холмикам как раз в направлении козье-козлятного «каравая». Может, здесь как раз можно пройти безопасно? Откуда эта тропа? Значит, кто-то проходил, может, таясь от людей, чтобы не пугать, за своей забродой-животиной? Вот, вроде, рядом и ещё стёжка, как бы коровой оставленная, даже капельки белёдые на травинках: давно, знать, не доена, теряла молоко...

* * *

Важно не только то, во что ты веришь, но и какими силами духа твоего вера твоя осуществляется. Истинное Знание немногословно. Прочитав тысячи и тысячи книг, ты выудишь из них только крупинки Знания. Чтобы хоть чуточку над этим подняться, необходимо размышлять, необходимо эти крупинки в сознании своём проращивать, как зёрнышки, взлелеивать росток и с восторгом наблюдать, как он тянется ввысь, оживая, наполняясь живительными силами своего прародителя – Истинного Знания. И ты будешь наслаждаться его стройностью, его красотой. И будешь гордиться, самую чуточку, что это твои размышления вскормили его и дали ему первичный толчок к развитию.

(из дневника отца)

* * *

Размышляя, я сам не заметил, что уже иду, иду по всё более различимой под ногами тропе, с холмика на холмик, всё глубже уходя в Скалу. «Е-о-и-и! И-и-и-ись!» – как сквозь вату донеслось до меня, и Олимпиада с козлятами, совсем рядом, вдруг сорвались с холма и галопом, скачками понеслись в сторону улиц, к домам. Что, собственно, нам и требовалось. Я повернулся. У самого края пустыря стояла мать, рупором сложив руки у рта, словно продолжала кричать, как я догадался: «Не ходи! Вернись!»

– Мам, ты чего! – засмеялся я, помахав ей рукой и направляясь назад пройденной тропой.

Но тропы сзади не было. Я шёл, шёл напрямик, глядя на мать, которая будто всё продолжала кричать и звать, словно не видела меня. Тогда я побежал. Я бежал изо всех сил, как никогда. Всё более темнело, уже показались в небе россыпи звёзд, уже начали они выстраивать созвездия, уже я задыхался от бега, а преодолеть полоску пустыря, отделявшую меня от мамы, от дома, от всего мира, не мог.

Мать уже давно опустила руки, только теребила и комкала край передника, только с невыразимой тоской смотрела и смотрела... почти на меня. И, видимо, в какой-то миг что-то уловила, потому что дрогнуло лицо её, вся она рванулась, потянулась в мою сторону, но не двинулась с места, закричала, я видел, что она кричала, но голос доносился, как из очень далёкого далека:

– Сынок! Не ходи!

Я остановился. Почти растерянно: куда не ходить? Я ведь возвращаюсь.

– Подожди меня здесь! Не двигайся с места! – вдруг что-то явно придумала мама и почти бегом направилась к соседней улице, таким же лучом отходящей от пустыря.

Я сел в траву и стал ждать. Я не знал, что хотела мама, но зря она ничего не скажет. Поэтому я буквально не шелохнулся, пока не показалась она из-за угла, ведя за руку какую-то женщину. Когда они подошли поближе, я увидел, что женщина эта – почти девчонка – никто иная, как... В общем, жениться я пока не спешил, но была она мне очень даже по сердцу. И сейчас, увидев её, испуганную, встрепанную, в косо, наспех застёгнутом халате, я подумал: какая она всё-таки... родная... дурашка моя! Выходит, от мамы действительно ничего не скроешь. Но зачем она её привела сюда?

Девчоночка моя тем временем, глянув в мою сторону, охнула и, вырвав руку у матери, кинулась ко мне с какими-то безумными причитаниями:

– Ой, родненький! Ой, подожди, я сейчас!

Ничего не понимая, я встал и кинулся ей наперерез, чтобы и её вдобавок не затащило в эту аномалию. Я даже действительно продвинулся на несколько шагов. Похоже, мама отметила это продвижение, потому что удовлетворённо закивала. Сейчас она стояла спокойно на краю, лишь наблюдая за нами.

– Мама! – упрекнул я её. – Ну, зачем ты её привела?! – и остановился, удивлённый поведением своей подруги. Она делала такие движения руками, словно что-то отбрасывала в сторону, что-то разгребала. И всё продолжала причитать:

– Сейчас, сейчас я помогу тебе! – потом на миг обернулась к матери и крикнула ей вовсе уж странное: – Лопату же надо! Сбегайте за лопатой!

Мама грустно покачала головой и не сдвинулась с места.

– Брось, милая, – сказала, – не отроешь. Не то ты видишь. Оставь. Иди.

– Иди! – сказал я, ещё ничего не понимая, но догадываясь, что мама в своём рассказе очень многое не договорила. – Иди, – повторил я подружке, мысленно прощаясь с ней, с такой вот – растрепанной, зарёванной, родной... – вызови спасателей, а мне мама пока поможет. – И грустно проводил глазами её светлый халатик, замелькавший вдоль улицы.

– Почему ты к ней не вышел? – печально спросила мама. – Ты же вроде любишь её?

– Ты же видела... – вздохнул я, вновь садясь в траву. – Ты лучше скажи, что не досказала, пока спасатели не приехали. Отец знал что-то о Скале? Он нарочно пошёл?

Мама тоже тихо опустила в траву там, где стояла. Чуть помолчала, по привычке теребя передник.

– Да, он всю жизнь за ней наблюдал, за этой Скалой. И Андрея Семёновича он вызвал откуда-то, из Перми, что ли. Он говорил, – я плохо понимала: не вникала в это – «каждый видит то, что мешает ему видеть». И ещё он говорил, что кто троп не видит, тому безопасно, но они видят что-то неприступное. Потому, когда ушёл у всех на глазах... он мне заранее сказал... чтобы кричала, свидетелей собирала... Андрей всех опросил. Кто-то видел – оползнем накрыло, для кого-то – в болоте утоп, другие говорили: на скалу полез, да и сорвался с обрыва. Все, все по-разному сказали. Андрей – тот вовсе бесконечную стену плотного тумана видел. Хоть уговорились они, что он опросами будет заниматься, в Скалу не полезет, а не утерпел – рванул в тот туман, что видел. Отец его там перехватил. Вышвырнул. Его можно было: он троп не видел. Я ходила в больницу к нему, пока он помнил всё – всё рассказал. А потом... смешалось у него всё. Осталось только – Скала и рука отпихивающая. – Мама помолчала, поглядев в сторону города, где вдалеке слышались завывания сирены и заторопилась. – А отец так и не вышел. Забрала его Скала. И тебя вот забрала... Всё за ваши сомнения! Всё за ваши поиски! Не живётся вам! Сказал же Господь: «Люди вы! Живите!» Что ж вам ещё?! Чего не жить?! Бегите всё, бегите – от жизни, от семьи, от проблем... Тот семерых кинул... Ты тоже... – «не так она видит», гляди! А девка-то – и хорошая, и добрая...

Уже подъезжала машина спасателей. Встала мама, посмотрела на меня и тихонько почти прошептала:

– Да Бог вас простит! Ступай! Только не ходи путями неправедными. Всегда помни, что забыл, что оставил, к чему шёл.

И вдруг резко, как переключившись на другую программу, завывала-заголосила:

– Ой, сыночку! Ой, зачем же тебя туда понесло?! – а сама перекрестила и махнула рукой, мол, ступай!

А я рванулся к ней. Я не хотел уходить в эту Скалу! Я не собирался туда уходить.

– Мама! – кричал я, задыхаясь на бегу. – Мама, забери меня!

Я бежал до рассвета. Бежал без остановки на третьем, пятом, десятом дыхании. И до рассвета пара спасателей упрямо пытались – один открыть меня из-под завала, а другой всё тянул в мою сторону длинную жердь, приговаривая: «Хватайся, хватайся, парень!»

А двое других, вместе с шофёром, только сочувствующе поглядывали на товарищей, между делом заполняя какие-то бумаги.

Мама стояла и только ждала. Она не смела сделать шаг, потому что – я понял это – она тропы видела. И потому что дома её ждала семья – любимые – все любимые: дети, внуки, коза с козлятами... Наверное, она видела, что я бежал. Потому что, когда, вовсе выдохнувшись, я упал, так и не добравшись до границы Скалы, она опустилась на колени против меня, потянулась рукой, так и не дотянувшись потрепать мои волосы, как в детстве трепала. «С Богом, сынок! – прошептала. – Ступай с Богом!»

Потом поднялась, молча подписала у спасателей бумаги, взяла за руку мою выревевшую все слёзы подружку и, не оглядываясь, пошла к дому.

Я посмотрел на по-разному спасающих меня ребят из МЧС и, пожалев их, встал и медленно, пятясь, отошёл вглубь Скалы. Оба сперва засуетились, потом, уже беззвучно для меня, явно выругались и прекратили свои тщетные и нелепые с точки зрения других попытки. И, тем не менее, было похоже, что спасти от Скалы им приходилось не раз: слишком привычно не вмешивались в их действия друзья. Не живётся людям!

* * *

Карма. У людей, не способных к абстрактному мышлению, это слово вызывает ассоциации связи с Богом (это при случае, когда знают происхождение этого слова), с сотрудником, заместителем, либо инструментом Бога. Таким людям трудно представить, что какое-то слово может не нести за своим значением вещественного. Им обязательно нужно всё если не «о-существовать», то хотя бы «о-веществовать». На самом же деле, карма, как слово – наименование процесса работы причинно-следственных связей.

(из дневника отца)

* * *

Я огляделся. Ну, вот, я уже в Скале...

Отойдя от спасателей, я отдыхал, не двигаясь с места, до новой ночи. Вокруг, в принципе, ничего не изменилось. Всё то же небо над головой, усеянное летне-яркими звёздами. Вон и луна уже выкатывается, почти полная. Вокруг всё те же холмы и холмики, поросшие новой травой сквозь плотную подстилку старых, слежавшихся, свалявшихся как войлок, трав. Вот только, чем дальше, замечал всё больше и больше тропинок, стёжек и даже довольно широких троп. Все они бежали беспорядочно, переплетаясь, пересекаясь. И, словно внутри заколдованного круга, все они не выходили за границы пустыря, носящего в городе странное имя Скала. Что интересно, и в самый центр, то есть прямой пересекающей тропы здесь почему-то не было. Напрашивался вывод, что все эти многочисленные тропки и стёжки, как бы они ни вились, ни

петляли, ни пересекались, в конечном итоге водят по кругу, не выпуская из Скалы, но и не ведя к её центру. Мне показалось это странным, но пока я решил расположиться на ночлег прямо там, где в данный момент сидел.

Закинув руки за голову, растянулся я во весь рост на душистой, упругой травяной подстилке. И подумал: что-что, а лежать здесь вполне безопасно – жёсткие бурьяны здесь не растут, и что осколок какой-нибудь либо зубчатый край консервной банки, оставшиеся после пикника, внезапно в бок не врежутся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.